



<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-214-239>

Интервью / Interview

“Stalinst Russocentrism”

An Interview with David Brandenberger about the Second Russian Edition of his Monograph *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. viii, 378 p.)

«Сталинский руссоцентризм»

Интервью с Дэвидом Бранденбергером о втором российском издании его монографии «National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. viii, 378 p.)



Abstract: David Brandenberger holds a doctorate in history (PhD.) and is professor of Russian and Soviet history in the Department of History at the University of Richmond (USA). He is also an associate researcher at the National Research University “Higher School of Economics” in Moscow. He is the author of books on the formation of Russian national identity during the Stalin era and on the influence that party propaganda and mass culture had on that process. In this interview, David Brandenberger discusses the arguments and methodologies that contributed to his monograph that was initially published in English and then in two Russian editions: *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956* (Cambridge: Harvard University Press, 2002), *Natsional-bol'shevizm: stalinskaya massovaya kul'tura i formirovani-*

ye russkogo natsional'nogo samosoznaniya, 1931–1956 gg. (St Petersburg: Akademicheskii proekt, 2009) и *Stalinskiy russotsentrizm: Sovetskaya massovaya kul'tura i formirovaniye russkogo natsional'nogo samosoznaniya, 1931–1956 gg.* (Moscow: ROSSPEN, 2017). Among other things, the author discusses how his thoughts on the topic of this book have evolved since its first publication in light of scholarly debate and the increased availability of primary and secondary sources.

Keywords: Stalinist Russocentrism, Russian national identity, mass culture, party propaganda, mass mobilization

For citation: “ ‘Stalinist Russocentrism’: An Interview with David Brandenberger about the Second Russian Edition of his Monograph *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. viii, 378 p.)” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 214–239. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-214-239>

Аннотация: Дэвид Бранденбергер – доктор исторических наук (PhD in History), профессор российской и советской истории кафедры истории Ричмондского университета (США), ассоциированный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве. Автор книг о формировании русского национального самосознания в сталинскую эпоху, о влиянии на этот процесс партийной пропаганды и массовой культуры. В своем интервью Д. Бранденбергер рассказывает о содержании и научных подходах в освещении темы исследования, которая получила отражение на страницах его первой монографии, вышедшей на английском языке, – «National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956» (Cambridge: Harvard University Press, 2002) и потом в двух российских изданиях – «Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956 гг.» (СПб.: Академический проект, 2009) и «Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956 гг. (М.: РОССПЭН, 2017). Автор делится мыслями о том, как с момента появления первой монографии под влиянием проходивших дискуссий и расширения источниковой базы исследования эволюционировали его взгляды на изучаемую проблему.

Ключевые слова: сталинский руссоцентризм, русское национальное самосознание, массовая культура, партийная пропаганда

Для цитирования: «Сталинский руссоцентризм»: интервью с Дэвидом Бранденбергером о втором российском издании его монографии «National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. viii, 378 p.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 214–239. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-214-239>

– Dr. Brandenberger, could you begin the interview by telling us a bit about yourself?

– I grew up in an academic family in provincial America in a district that elected the notorious red-baiting anti-communist Joseph R. McCarthy to Congress in 1947. Perhaps for that reason, I cannot claim that my interest in Russian history and culture were initially piqued by the classics like F.M. Dostoevskii or L. N. Tolstoi. Instead, it was the Cold War, Ian Fleming’s James Bond and Ronald Reagan that initially drew my attention to things Russian. In this vein, one of my first moments of mature political commentary came in 1983 when I protested Reagan’s labeling of the USSR as an “evil empire.” “Evil,” I precociously declared to my father at the time, wasn’t an analytical category. Worse, Reagan’s choice of words amounted to deliberately inflammatory rhetoric that would not contribute to mutual understanding or the easing of international tensions.

Amused by my adolescent leftist sympathies, my father encouraged me to start learning Russian while still in high school at the local university where he taught physics. His advice proved transformative for me. Beginning Russian in 1986 or 1987, I continued to study the language at Macalester College, where I majored in history and wrote my senior thesis on the historiography on medieval Kyiv. Studying abroad in Moscow in 1991, I returned after college in 1992–1993 to teach English at Moscow State Linguistics University (the former Thorez Foreign Language Institute) while applying to US doctoral programs in History. Entering Harvard University shortly thereafter, I continued to study Russian while researching and writing my doctoral dissertation, spending some 15 months in Russia between 1996–1997.

Defending my dissertation and earning my doctorate in 1999, I then worked at Harvard between 1999 and 2003 as a lecturer and researcher. Since 2003, I've taught at the University of Richmond, but have continued to spend roughly a month in Russia every year. I'm am presently affiliated as a researcher with the National Research University "Higher School of Economics" in Moscow.¹

– How did you arrive at the subject of your first monograph, *National Bolshevism*?

– The origins of *National Bolshevism* – which was based on my doctoral dissertation – stem from my long-standing interest in Russian national identity. At Harvard, I spent a year in graduate school studying 18th and 19th century Russian intellectual thought under Richard Pipes, where I found myself captivated by the Slavophiles and Panslavs. At the same time, I was working under Roman Szporluk on the modern scholarship on national identity formation, both in Eastern Europe and in comparative perspective. These studies proved to be very influential for me.

Eager to write my dissertation on the national question in theory and practice, I spent a lot of time thinking about how best to apply the writing of Ernest Gellner, Benedict Anderson, Miroslav Hroch and others to the history of Russian-speaking society.² Resisting Pipes's advice to focus on 19th century Russian conservative thought, I instead looked for an opportunity to study the emergence of Russian national identity at the grass roots under the influence of ideology, high politics and mass culture – an approach inspired by the work of Ronald G. Suny, Terry Martin, James von Geldern, Richard Stites and Jeffrey Brooks.³ After months of reading, I finally stumbled upon

¹ David Brandenberger, "The 'Short Course' to Modernity: Stalinist History Textbooks, Mass Culture and the Formation of Popular Russian National Identity, 1934–1956" (PhD. Thesis, Harvard University, 1999).

² Ernest Gellner, *Nations and Nationalism* (Ithaca: Cornell UP, 1983); Benedict Anderson, *Imagined Communities: Reflections on the Spread of Nationalism*, rev. ed. (New York: Verso, 1991); Miroslav Hroch, *The Social Preconditions for a Rational Revival in Europe: A Comparative Analysis of the National Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985); Hroch, "From National Movement to the Fully-formed Nation: The Nation-Building Process in Europe," in *Mapping the Nation*, ed. Gopal Balakrishnan (New York and London: Verso, 1996), 78–97.

³ Ronald Grigor Suny, *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union* (Stanford: Stanford UP, 1993); Terry Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca: Cornell UP, 2001); *Mass Culture in Soviet Russia*, eds. James

a little-known article by A.N. Artizov, the present director of Rosarkhiv, on the writing of a key Stalin-era public school history textbook – A.V. Shestakov’s 1937 *History of the USSR*. This article provided me with clues that helped me to identify the precise moment when the party leadership began to interpolate russocentric thematics into public education, the press and official mass culture.⁴

With Artizov’s insights in mind, I began archival research on my topic in Moscow in 1996–1997. Over the course of many months, I conducted work in a number of former party and state archives and refined my thesis. During this time, I also learned a lot from collaborative work that I conducted with A.M. Dubrovskii while writing an article together for a British scholarly journal.⁵ This co-authored article became the first of my significant publications on the topic.

– What’s the basic argument of the book?

I begin the book with the contention that a modern sense of national identity formed later in Russia than in other European industrialized countries. A constructivist, I cite scholarship that suggests that a mass sense of national identity at the grass roots is a relatively recent occurrence in world history and forms as a byproduct of mass politics, the popular press, widespread literacy, near-universal schooling and social mobility. Such scholarship suggests that such institutions and societal phenomena were able to homogenize parochial identities on the local and regional level into truly national ones only in the 19th century or at the beginning of the 20th.

In the Russian case, I note that although intellectuals in the 18th and especially 19th century spent a lot of time debating the question of what it meant to be Russian, they proved unable to reach a consensus. Their inability to answer this all-important question – combined with the tsarist empire’s low enthusiasm for democratic social movements – stymied the consolidation of an integral, coherent national community in Russia before 1917. Even the relatively late appearance of nationalist propaganda during the First World War did little to galvanize the society around a unified notion of what it meant to be Russian.

If the imperial tsarist government had little interest in nurturing a mass sense of Russian national identity, the early Bolshevik state was determined to suppress what it regarded as Great Power chauvinism in society. Among Russians, they were interested fostering a broad sense of class identity rather than national identity.⁶

In looking at the early Soviet “propaganda state,” I periodize early mobilizational propaganda in the 1920s and 1930s into three phases. During the first phase – the early to mid 1920s – the Bolsheviks attempted to rally the society to industrialize and defend the USSR through a materialist style of propaganda. That propaganda stressed class conflict,

von Geldern and Richard Stites (Bloomington: Indiana University Press, 1995); Jeffrey Brooks, *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917* (Evanston: Northwestern University Press, 2003)

⁴ A.N. Artizov, “V ugodu vzgliadam vozhdia [konkurs 1936 g. na uchebnik po istorii SSSR],” *Kentavr [Voprosy istorii KPSS]* 1 (1991): 125–135. See also *Istoriia SSSR: Kratkii kurs*, ed. A.V. Shestakov (Moscow: Gos. uchebno-pedagogicheskoe izdatel’stvo, 1937).

⁵ D.L. Brandenberger and A.M. Dubrovsky, “‘The People Need a Tsar’: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941,” *Europe Asia Studies [Soviet Studies]* 50, no. 5 (1998): 873–892.

⁶ Indigenization programs (*korenizatsiia*), of course, did not apply to Russian-speaking society.

anonymous social forces and other Marxist structuralism. The propaganda was predictably schematic and focused on idealized but generic representations of class. Attention was cast on groups of protagonists instead of individual heroes; and internationalism rather than nationalism or patriotism. The formation of a community based on a united, coherent sense of Russianness was discouraged during this time, insofar as the Bolsheviks saw such sentiments as a vestige of the *ancien régime*. Devoted Marxists, the Bolsheviks instead attempted to build a new community around class identity and revolutionary internationalism.

I contend that the test of this new propaganda line occurred in 1927, during the so-called war scare with Great Britain. During this diplomatic rupture with Britain, I argue that the Soviet leadership expanded its bid to mobilize society for industrialization with talk of war and defense of the USSR. But instead of stimulating a surge of popular support for the regime, this war scare instead inspired panic, hoarding, and defeatist rumors that swept across the country. Some peasants reportedly even looked forward to a British invasion that would topple the Bolsheviks and restore the monarchy.

I argue that this debacle, on the tenth anniversary of the October 1917 revolution, forced party ideologists and propagandists to look for new ways of increasing the accessibility of their schematic, bloodless, class-based propaganda. The transition to new forms of mobilization was not immediate, however. Between 1927 and the early 1930s, there appears to have been quite a bit of confusion over what might be more effective, but not involve ideological compromises. In the end, I believe part of the answer came not from the ranks of professional party ideologists and propagandists, but from journalists working in the youth newspapers and then the central party papers.

– So, does this mark the transition to a second phase of Soviet interwar mobilization?

– Yes. Exactly. By the early 1930s, Soviet journalists had demonstrated to Agit-prop that a better approach to mobilizational propaganda would come from a renewed focus on individual heroism.⁷ Generic, anonymous class analysis was to be replaced by individual, identifiable heroes of the revolution, civil war and socialist construction. These heroes were deployed in such a way as to serve as practical, accessible role models for admiration and emulation, first in the press and then slowly in other forms of party propaganda and mass culture.

By 1934, strident individuals dominated what I call the second phase of Soviet mobilizational propaganda. This new stress on dynamic role models and heroes was complemented by a new-found emphasis on patriotism. Patriotism in the 1920s had been dismissed as a bourgeois surrogate – something that the capitalist world used as a masking ideology in order to distract workers from their class interests. During the early 1930s, however, at the same time, that individual heroism was being revived, we see a hesitant rehabilitation of the idea of patriotism as well, now called “Soviet patriotism.” Stalin argued in 1931 that if Marx had been right in 1848 that the workers did not have a fatherland, the situation in the USSR had changed since 1917, now that

⁷ My analysis here runs parallel to an argument advanced in Matthew Lenoe, *Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers* (Cambridge: Harvard University Press, 2004).

there *was* such a thing as a workers' fatherland. Patriotism was, therefore, a legitimate emotion for the proletariat to feel in relation to the USSR.

So circa 1935–1936, I argue that the second phase of Soviet mobilizational propaganda was proving to be much more effective and accessible than the first. New material revolving around heroism and patriotism, based on concrete material from the revolution, civil war and socialist construction, was finding real popular resonance within society for the first time.⁸

– So, what then was the third phase of Soviet interwar mobilization?

– The third phase of interwar mobilizational propaganda is something I date to the second half of 1936 – the outset of the Great Purges. It's well known that the purges had a devastating effect on the party, the military, the intelligentsia, and so on. What I argue is that wave after wave of purges between 1936–1938 also undermined the new mobilizational propaganda focusing on heroes and patriotism, as this witch hunt exposed many of the protagonists and heroic role models as enemies of the people.

As the purges consumed the new heroes and patriots, Soviet propagandists were forced to recall the films, theatrical productions and books celebrating them. This paralyzed much of the propaganda line. Attempts were made to recut the films, airbrush the pictures and rewrite the books.⁹ But this was an unpredictable process, as the Terror proceeded in waves, rather than all at once. A book or film reworked today might need to be recalled again tomorrow.

In the end, party propagandists, led by Stalin, were forced to retreat from their new emphasis on heroes and patriotism in party propaganda and return to the bloodless schematicism and anonymous social forces of the 1920s. This is most clear in the launch of the famous *Short Course* on party history, released in 1938.¹⁰ Stalin attempted to justify this new emphasis on schematicism and anonymous social forces during the release of the *Short Course*, averring that the average party member and executive needed to have a better grasp on Marxist theory and that party history, therefore, ought to be grounded in more orthodox Marxist-Leninism.¹¹

At the same time, that Stalin was attempting to redirect well-educated party members toward Marxist theory, he was encouraging propagandists and educators working within society at large to look to the prerevolutionary past for new sources of authority and legitimacy. Earlier stress on the classics in literature and the arts (as forerunners of Socialist Realism) was now flanked by the rehabilitation of political and military greats of the pre-revolutionary

⁸ I examine this popular reception of Soviet mobilizational propaganda from the mid-1930s through letters, diaries, memoirs, secret police reports, as well as the popular consumption of new novels, plays, operas and films, in my second major book, David Brandenberger, *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror, 1927–1941* (Moscow: ROSSPEN, 2017). Originally published as Brandenberger, *Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1928–1941* (New Haven: Yale University Press, 2011).

⁹ See, for example, David King, *The Commissar Vanishes: The Falsification of Photographs and Art in Stalin's Russia* (New York: Metropolitan Books, 1997).

¹⁰ *Istoriia VKP(b): Kratkii kurs* (Moscow: Gospolitizdat, 1938).

¹¹ See *Stalin's Master Narrative: A Critical Edition of the Short Course on the History of the Communist Party (Bolsheviks)*, eds. David Brandenberger and Mikhail Zelenov (New Haven: Yale University Press, 2019).

period. Leaders such as Aleksandr Nevskii, Dmitrii Donskoi, Ivan the Terrible and Peter the Great were revived as examples of progressive leadership and hailed for their support of the centralization of state authority; military heroes such as Aleksandr Suvorov and Mikhail Kutuzov too were revived in order to recognize the precursors to Soviet martial pride.

This, I argue, marks the third phase of Soviet mobilizational propaganda – the ossification of the party line and its replacement with an array of mobilizational exigencies focusing on the Russian national past. One might also note here other mobilizational exigencies of the period, particularly the party leadership’s continued expansion of Stalin’s personality cult.

It bears mentioning at this juncture that this new historical line was officially called the “History of the Peoples of the USSR” and theoretically included the prerevolutionary histories of the other non-Russian peoples in its new grand narrative. In practical terms, however, these intentions went largely unrealized during the interwar years. Part of the reason for this stemmed from the purges, which made it difficult to write non-Russian republican history without being accused of “bourgeois nationalism.” But equally important is the unavoidable conclusion that the development of these auxiliary narratives was just not a high priority. Indeed, the only non-Russian heroes to really receive public attention in the prewar period – those concerning Ukraine and Belarus – were discussed in the press only when the annexation of Polish territories in 1939 required historical justification.¹²

After surveying this major russocentric shift in mobilizational propaganda between 1917–1937 in the first three chapters of the book, the next four chapters examine how this new propaganda line was popularized within the public schools and mass culture and received within Soviet society. Such an approach foregrounds the complexities involved not only in the formulation of mobilizational propaganda, but in its transmission to the popular level as well as its reception at the grass roots.

Insofar as this set of dynamics underwent changes after the start of the Second World War in 1941, chapters eight through eleven trace the contours of the party’s mobilizational propaganda through 1945. Chapters twelve through sixteen, in turn, follow these processes into the mid-1950s.

– What does the emergence and trajectory of this form of mobilizational propaganda say about official russocentrism under Stalin?

– Good question. My study of the politics of mass mobilization in Soviet society between the late 1920s and mid-1950s reveals that the deployment of Russian national heroes, legends and myths during this time was fundamentally pragmatic and etatist in

¹² Although some historians have recently argued that Ukrainians and Belorussians were also elevated to the status of “great peoples” between 1939 and 1941, this would seem to be a component of the campaign to justify the Sovietization of eastern Poland rather than an independent ideological development bent on valorizing the Ukrainian or Belorussian people, per se. Not only does the timing of the campaign point directly to the 1939 partitioning of Poland, but the historical parables that received the most publicity (e.g., 1654, Bogdan Khmel’ nitskii, and the Polish Yoke) are too convenient to be merely coincidental. Of course, regardless of the reasons behind the promotion of “the great Ukrainian people” and “the great Belorussian people” between 1939 and 1941, these developments should be seen as fully compatible with the Russian people’s official designation as “the first among equals.” See Serhy Yekelchuk, *Stalin’s Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination* (Toronto: University of Toronto Press, 2004), 21–26; Amir Weiner, *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution* (Princeton: Princeton University Press, 2001), 351–352.

nature. It was an attempt to augment the arcane and inaccessible aspects of Marxist-Leninism with populist rhetoric designed to bolster Soviet state legitimacy and promote a society-wide sense of allegiance to the USSR.

Two points are worth noting in regard to the intention and design behind this official russocentric line. First, Stalin's recourse to Russian historical heroes and symbols was far from inevitable and should be seen as a byproduct of historical contingency stemming from the failure of more thoroughly "Soviet" propaganda during the purges. Second, even pervasive russocentrism after 1937 should not be confused with official support for Russian state- or nation-building, much less nationalism, inasmuch as all three would have required a degree of institutional, political and cultural autonomy that the Bolsheviks never had any intention of granting the Russian people.

Instead, Stalin-era russocentrism should be regarded as instrumental and populist in design – gestures designed to mobilize rather than enfranchise. Noticeably absent, after all, was the creation of an independent institutional identity for the RSFSR that was separate from that of the USSR as a whole.¹³ This discouragement of Russian state-building was mirrored in the party's stance on Russian nation-building. Although a vast array of heroes, symbols and myths associated with the Russian national past were revived after 1937, these efforts were selective and cautious, being designed to bolster the Soviet present rather than to encourage independent historical inquiry into the Russian national past. Tsarist centralization and empire-building were styled as necessary precursors to Soviet state-building, while leaders from Ivan the Terrible to Peter the Great were used to legitimate the party's preference for charismatic one-man rule. Age-old anxieties served to inform the new concerns of the 1930s, whether concerning the Oprichnina's "just" suppression of internal enemies or Aleksandr Nevskii's defensive struggle against an invasion of Teutonic knights. Prerevolutionary triumphs on the battlefield, as well as in science and the arts, provided Soviet-era commanders, artists and thinkers with a historical pedigree of sorts.

According to the quasi-Marxist paradigm that governed this revisionism, all of these historic individuals, reputations and accomplishments had been progressive within their historical periods and thus could now be rehabilitated in order to illustrate, explain and justify similarly progressive aspects of Soviet state and society. As I note above, these were rhetorical bids to mobilize rather than to enfranchise or nationalize.

– But if reinforcing the authority and legitimacy of the state was the goal, why rehabilitate heroes, symbols, legends and myths that were chiefly Russian, rather than drawn more broadly from the history of the peoples of the USSR?

– Excellent question. This quixotic relationship with the Russian national past is best understood as a function of Stalin's peculiar regard for the Russian people as

¹³ Importantly, russocentrism after 1937 did not redress the profound institutional imbalance that lay at the heart of the Soviet system. As is widely known, the RSFSR was originally incorporated into the USSR without the bureaucratic institutions established elsewhere in Ukraine, the Transcaucasus or the other union republics. This denial of a separate party organization, central committee, academy of sciences, etc. had been a deliberate strategy to limit Russian influence in Soviet society during the early 1920s. Tellingly, this imbalance was retained after 1937 despite official paeans to the Russian people as "the first among equals."

a whole. Although famous for his valorization of the Russian people, Stalin was not a Russian nationalist and had historically opposed all efforts to promote Russian self-rule. Instead, Stalin saw the Russians as a “state-bearing people” who unified the society and served as the “first among equals” and the “elder brother” within the Soviet family of nations. In Stalin’s mind, Russian culture, history and demographic strength was uniquely capable of reinforcing the authority and legitimacy of the Soviet state – much more so than that of the more particularistic national identity of the Ukrainians, Armenians, Georgians, Kazakhs, etc. etc.¹⁴

– **What, then, is the connection between Stalin’s russocentrism and the formation of a modern sense of Russian national identity among Russian speakers on the mass level of society?**

– This issue relates to what I’d rather immodestly call the second major contribution of my book. I argue that that despite the fact that Stalin deployed the Russian national past in the USSR exclusively in the name of popular mobilization, this russo-centric propaganda had an unpredictable, unintended effect within Russian speaking society at the grass roots. While doing my research, I found letters, diaries, secret police reports and postwar émigré interviews to reveal that many Russian speakers eagerly consumed Stalin’s celebration of Russianness and the Russian national past without connecting those issues to the broader subject of the Soviet present or future.

Indeed, many actively differentiated beloved Russian heroes, myths and legends from the more schematic, arcane Marxist-Leninist values and principles that they were paired with. This selective reception and internalization of russo-centric propaganda and imagery during the Stalin era meant that by 1953, Russian speakers were in possession of a much more coherent and articulate sense of who they were as Russians than they had enjoyed in the years before 1937.

Put another way, the party’s attempt to reinforce the authority and legitimacy of the Soviet state through the selective co-option of Russian heroes, myths and legends resulted in something Stalin never anticipated: the formation of a mass sense of Russian national consciousness quite independent of Soviet socialist trappings. As such, although the emergence of this sense of national identity is tied to one of the greatest propaganda campaigns of the mid-20th century, it should also be regarded as an unintentional and even accidental byproduct of the general secretary’s populist flirtation with the mobilizational potential of the Russian national past.

– **What’s the methodology behind your study?**

– Because I am interested in questions concerning group identity and public opinion, I contend that the study of mobilizational propaganda requires more than just a focus on the production of the official line on high. A thorough investigation of propaganda requires attention to the agency behind not only its creation and production, but also a focus on its projection and dissemination in society. This is because one can-

¹⁴ Erik van Ree, “Heroes and Merchants: Stalin’s Understanding of National Character,” *Kritika* 8:1 (2007): 41–65.

not just assume that messages from above are effectively communicated into society below without actually tracking them into educational institutions, the press and mass culture.

Were that not complicated enough, I also argue that it is also imperative to look at the popular reception of this mobilizational propaganda. Audiences are notoriously fickle and often selectively remember or misunderstand what they hear from authorities. So rather than to assume that the official line is transmitted effectively to the mass level, I actually track the reception of the line, using letters, diaries, memoirs, secret police reports and other sources offering glimpses of popular opinion. This, in my view, gives the best possible data on the popular reception of official propaganda

Of course, it is necessary to concede from the outset that my claims in this investigation of popular opinion are necessarily modest – I only claim to present glimpses of the way the Soviet populace reacted to official mobilizational propaganda.

In our day and age, people have gotten very used to modern opinion polling, which provide huge amounts of data correlated according to rigorous social science methodology on all sorts of subjects, and segmented by race, class, educational background, profession, etc. There is no way, of course, to obtain such data for the Soviet 1930s – or any other part of the world in the 1930s, for that matter. That said, I argue that in studies of mobilizational propaganda, it remains important to make an attempt to gauge popular reception, even if the results are necessarily limited or fragmentary.¹⁵ I argue that glimpses of popular opinion can be obtained if one harnesses letters, diaries, memoirs, and party and secret police reports, and if one conscientiously triangulates these sources against one another to reduce problems that each genre presents on its own.

Again, I'll concede the limitations of this approach and the fact that the best anyone can expect is mere glimpses of opinion. Nevertheless, I argue that it is far superior to purely speculative approaches to the study of official propaganda and its popular reception.

– How would you say that the original arguments in *National Bolshevism* changed between 2002 and 2017, when the book reappeared as *Stalinist Russocentrism*?

– During my revisions to both the 2009 and 2017 Russian editions, I made many minor editorial changes to improve both the content of the monograph and the language in which it was expressed.¹⁶ I also updated the text in order to bring it into alignment with new scholarship that has emerged in recent years. This was a task that I frankly dreaded, especially in regard to the 2017 edition, as I expected that as I re-edited the book, I'd find an array of errors or obsolete perspectives that I would need to adjust or rewrite in order to reflect new discoveries in the field. Instead, I found that aside from routine updating, I didn't need to alter any major elements of the book. Most of the literature on the subject published in the past decade in English, Russian, German and French either follows the arguments that I originally developed in the 1990s or advances positions that are completely

¹⁵ In this sense, I disagree with criticisms of my efforts to track reception in my books – see, for instance, Viacheslav Menkovskii, [Retsenziia na *Krizis stalinskogo agitpropa*], *Ab Imperio*, 4 (2018): 380–389, esp.

¹⁶ K.A. Boldovskii, A.S. Konokhova, A.M. Dubrovskii, S. Maksudov and others helped with the text's editing.

compatible with my findings. I found this positive resonance in the scholarly literature very satisfying. Pundits and journalists have not always been so kind.¹⁷

When the first Russian edition appeared in 2009, it contained a new chapter in which I linked the contours of russocentrism to the purge of the third largest party organization in the USSR in 1949 – the so-called Leningrad Affair.¹⁸ In it, I argue that although there are a variety of factors that explain the purge of A.A. Kuznetsov, N.A. Voznesenskii, P.S. Popkov, M.I. Rodionov and a number of other prominent party officials, their fate is partially explained by mistakes made regarding postwar russocentrism. It turns out that Kuznetsov and his comrades-in-arms misunderstood this mobilizational propaganda as encouraging a variety of nationalistic projects oriented around expanding the RSFSR's institutional sovereignty (including the founding of a republican-level Russian communist party and the transfer of the republican capital to Leningrad). Stalin, of course, had no intention of supporting Russian nationalism, sovereignty or self-rule and purged the Leningraders in order to preclude any institutional challenge to the USSR.

The first Russian edition also corrected a major mistake in the book's English edition. In the original 2002 book, I credited A. A. Zhdanov with much of the editing of Shestakov's 1937 *History of the USSR*. I did this because in the late 1990s, I found a heavily-edited copy of the Shestakov text in Zhdanov's fond at the former Central Party Archive and searched in vain for anything similar in Stalin's fond. I concluded that Zhdanov had been tasked by Stalin with curating Shestakov's work and editing his text. Unfortunately, after the English edition had already gone to press in 2000–2001, I learned several more copies of the Shestakov text had been found in the newly-declassified 11th inventory of the Stalin fond. Subsequent analysis revealed that most of Zhdanov's editing had been derived directly from Stalin's work on the textbook – something that forced me to reassign credit for a number of important alterations to the Shestakov text in 2009.

In the second Russian edition of the book, published in 2017, I added another new chapter on dissent expressed between 1937–1937 about the emerging russocentric line. This chapter, based on an article published in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, demonstrated that members of the Soviet creative intelligentsia had strongly objected to the party's new mobilizational propaganda, as it contradicted their moral commitment to the revolution and internationalism.¹⁹ In this edition, I also made a number of revisions to the book's account of the Leningrad Affair in order to ensure that it reflects my thinking on the subject after a decade of further work.

¹⁷ See, for instance, S. Beliakov, "Нация ex nihilo," *Novyi mir* 10 (2010): 194-199; E. Politdrug, "Russkikh pridumal Stalin," *Sputnik i pogrom*, 20 June 2014, October 1, 2019, <https://sputnikipogrom.com/society/14545/made-by-stalin/>; etc.

¹⁸ The article was based on David Brandenberger, "Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism," *Russian Review* 63:2 (2004): 241–255.

¹⁹ David Brandenberger, "'Simplistic, Pseudo-Socialist Racism': Ideological Debates Over the Direction of Soviet Socialism within Stalin's Creative Intelligentsia, 1936–1939," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 13, no. 2 (2012): 365–393.

– What can explain the change in title from *National Bolshevism* to *Stalinist Russocentrism*? Was it changed at the request of ROSSPEN?

– Good question. The decision to change the title of the book was entirely mine. Let me explain. In English, the term “National Bolshevism” is eye-catching and provocative. As a title, it captured my overall thesis about the intrinsically Marxist, socialist nature of this Stalin-era mobilizational propaganda, while at the same time distinguishing russocentrism from anything more genuinely nationalistic. Broad audiences read the book in English and found the term useful and enlightening.

Russian-speaking audiences, however, found the term “National Bolshevism” confusing and objected to its cooption from earlier authors such as N.V. Ustrialov, M.N. Riutin and M.S. Agurskii. Some specialists also found “National Bolshevism” to be difficult to distinguish from the “national communism” practiced during the 1920s in places like Ukraine and Belarus. Others found the term unnecessarily provocative, perhaps in connection with the controversial “National Bolshevik” movement headed by E.V. Limonov between 1992–2007.

Frustrated by the distracting nature of the term in Russian, I retitled the book in its second edition in order to frame the entire book around my “russocentrism” neologism. Perhaps even better than its forerunner, this term captures key elements of my thesis while also distinguishing Stalin-era mobilizational propaganda from more genuine nationalist agitation. My hope is that the term “russocentrism” will ultimately be naturalized into Russian academic discourse in the same way as it has been in English over the past 15 years.

– How would you say that *National Bolshevism* / *Stalinist Russocentrism* challenges reigning impressions of Stalin and Stalinism in the historiography?

– In my study, Stalin is considerably less prescient as a historical agent than he is often described in the literature. Interested in indoctrination and popular mobilization, Stalin struggled to articulate a clear vision of how his Agitprop apparatus was to win Soviet hearts and minds in society during the 1930s, especially among his more ill-educated citizenry.

Agitprop as an institution, too, appears surprisingly clumsy as it stands at the helm of what is often referred to as the world’s first “propaganda state.” This is a theme that I highlight in my second book – *Propaganda State in Crisis*.²⁰

In the end, *National Bolshevism* / *Stalinist Russocentrism* presents a strikingly contingent history of Stalinist mobilizational propaganda between the early 1930s and the mid-1950s, in which the official deployment of russocentric but non-nationalistic mobilizational propaganda has the unintended consequence of precipitating the formation of a mass sense of Russian identity among Russian speakers within Soviet society.

²⁰ David Brandenberger, *Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1928–1941* (New Haven: Yale University Press, 2011). Published in Russian as D. Brandenberger, *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror, 1927–1941* (Moscow: Rosspen, 2017).

RUS

– Профессор Бранденбергер, не могли бы Вы в начале интервью рассказать немного о себе?

– Я вырос в семье ученых в провинциальной Америке, в районе, который в 1947 году избрал в Конгресс пресловутого противника коммунистов Джозефа Маккарти. Возможно, по этой причине я не могу утверждать, что мой интерес к российской истории и культуре был изначально вызван классикой, например, Ф.М. Достоевским или Л.Н. Толстым. Первоначально я обратил внимание на все русское из-за холодной войны, Рональда Рейгана и Джеймса Бонда из книг Яна Флеминга. Так, я впервые проявил свою зрелую политическую позицию в 1983 году, когда воспротивился тому, что Рейган назвал СССР «империей зла». В то время я заявил отцу, что зло не является аналитической категорией. Хуже того, выбор слов Рейганом представлял собой намеренно подстрекательскую риторику, которая не способствовала взаимопониманию или ослаблению международной напряженности.

Удивленный моими симпатиями левого толка отец подтолкнул меня начать учить русский язык в местном университете, где он преподавал физику, еще когда я учился в старших классах школы. Его совет сыграл поворотную роль в моей жизни. Начав учить русский язык в 1986 или 1987 году, я продолжил его изучать в Макалестерском колледже, где специализировался в истории и написал дипломную работу по историографии средневекового Киева. В 1991 году я учился в Москве и вернулся после колледжа в 1992–1993 годах, чтобы преподавать английский язык в Московском государственном лингвистическом университете (бывший Институт иностранных языков им. Мориса Тореза), одновременно поступив в американскую докторантуру по направлению «история». Вскоре после этого я поступил в Гарвардский университет, где продолжил изучать русский язык, пока писал докторскую диссертацию. В период с 1996 по 1997 годы я провел 15 месяцев в России.

Защитив диссертацию и получив докторскую степень в 1999 году, я работал в Гарварде до 2003 года в качестве лектора и научного сотрудника; затем я устроился на постоянную работу в Ричмондский университет. С тех пор я продолжаю проводить в России ежегодно примерно месяц и в настоящее время являюсь ассоциированным научным сотрудником Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве¹.

– Как Вы решили написать свою первую монографию «Национал-большевизм»?

– Монография «Национал-большевизм» основана на моей докторской диссертации. Корни этого кроются в моем давнем интересе к русской национальной идентичности. В Гарварде во время аспирантуры я провел год у Ричарда Пайпса, изучая русскую интеллектуальную мысль XVIII и XIX веков, и был очарован славянофилами и панславистами. В то же время я работал под руководством Романа

¹ *Brandenberger D. The 'Short Course' to Modernity: Stalinist History Textbooks, Mass Culture and the Formation of Popular Russian National Identity, 1934–1956. Harvard, 1999.*

Шпорлюка над современной научной литературой о формировании национальной идентичности, как в Восточной Европе, так и в сравнительной перспективе. Эти исследования оказали на меня большое влияние.

Стремясь написать диссертацию по национальному вопросу, я провел много времени, размышляя о том, как лучше всего применить работы Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсона, Мирослава Хроха и других к истории русскоязычного общества². Я сопротивлялся совету Р. Пайпса сосредоточиться на русской консервативной мысли XIX века. Вместо этого я искал возможность изучать возникновение русской национальной идентичности на низовом уровне, под влиянием идеологии, высокой политики и массовой культуры – к этому подходу подтолкнули работы Рональда Суни, Терри Мартина, Джеймса фон Гельдерна, Ричарда Стайтса и Джеффри Брукса³. Изучая широкие массы научной литературы в течение нескольких месяцев, наконец, я наткнулся на малоизвестную статью А.Н. Артизова, нынешнего директора Росархива, о написании ключевого учебника по истории для средней школы сталинской эпохи – «История СССР» А.В. Шестакова 1937 года. Эта статья дала подсказки, которые помогли мне определить точный момент, когда руководство партии начало интерполировать руссоцентричную тематику в государственном образовании, печати и официальной массовой культуре⁴.

Исходя из идей Артизова, я начал исследования по моей теме в Москве в 1996–1997 годах и провел много месяцев в бывших партийных и государственных архивах. За это время я также многому научился благодаря совместной работе, которую вел с А.М. Дубровским, когда мы вместе писали статью для британского научного журнала⁵. Эта совместная статья стала первой из моих значительных публикаций на эту тему.

– Каковы главные идеи вашей книги?

– Книга начинается с утверждения, что современное чувство национальной идентичности сформировалось в России позже, чем в других европейских промышленно развитых странах. Будучи конструктивистом, я ссылаюсь на мысль, которая предполагает, что массовое чувство национальной идентичности на низовом уровне является относительно недавним явлением в мировой истории и формируется как побочный продукт массовой политики, популярной прессы, широко

² *Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, 1983; Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Spread of Nationalism. New York, 1991; Hroch M. The Social Preconditions for a Rational Revival in Europe: A Comparative Analysis of the National Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations. Cambridge, 1985; Hroch M. From National Movement to the Fully-formed Nation: The Nation-building Process in Europe // Mapping the Nation. New York; London, 1996. P. 78–97.*

³ *Suny R.G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993; Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001; Geldern J. von, Stites R. Mass Culture in Soviet Russia. Bloomington, 1995; Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Evanston, 2003.*

⁴ *Артизов А.Н. В угоду взглядам вождя. Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР // Кентавр. 1991. № 1. С. 125–135; Шестаков А.В. История СССР: Краткий курс. М., 1937.*

⁵ *Brandenberger D.L., Dubrovsky A.M. 'The People Need a Tsar': The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941 // Europe Asia Studies. 1998. Vol. 50. № 5. P. 873–892.*

распространенной грамотности, почти универсального школьного образования и социальной мобильности. Эта мысль предполагает, что такие институты и общественные явления смогли объединить местнические идентичности на местном и региональном уровне в подлинно национальные только в XIX – начале XX в.

В случае с Россией я отмечаю, что, хотя интеллектуалы в XVIII и особенно в XIX в. провели много времени, обсуждая вопрос о том, что значит быть русским, они не смогли прийти к консенсусу. Их неспособность ответить на этот важнейший вопрос в сочетании с небольшим энтузиазмом царской империи в отношении демократических общественных движений препятствовали консолидации целостного национального сообщества в России до 1917 года. Даже относительно позднее появление националистической пропаганды, а именно во время Первой мировой войны, не очень сильно активизировало общество вокруг единого представления о том, что значит быть русским.

Если имперское царское правительство мало интересовалось воспитанием массового чувства русской национальной идентичности, то раннее большевистское государство было решительно настроено подавить в обществе то, что оно считало шовинизмом великой державы. Они были заинтересованы в развитии у россиян широкого чувства классовой, а не национальной идентичности⁶.

Рассматривая раннее советское «пропагандистское государство», я делю раннюю мобилизационную пропаганду в 1920–1930-х годах на три этапа. На первом этапе – с начала до середины 1920-х годов – большевики пытались сплотить общество для индустриализации и защиты СССР с помощью пропаганды материализма. Эта пропаганда подчеркивала классовые конфликты, безымянные социальные силы и другие марксистские структуры. Пропаганда была предсказуемо схематичной и ориентированной на идеализированные, но общие представления класса. Внимание было обращено на группы главных действующих лиц вместо отдельных героев и на интернационализм, а не национализм или патриотизм. Формирование общности, основанной на едином, последовательном чувстве русскости в то время не поощрялось, поскольку большевики рассматривали такие настроения как пережиток старого режима. Преданные марксисты, большевики вместо этого попытались построить новое сообщество вокруг классовой идентичности и революционного интернационализма.

Я полагаю, что испытание этой новой пропагандистской линии произошло в 1927 году, во время так называемой «военной тревоги» с Великобританией. Думаю, что во время этого дипломатического разрыва с Великобританией советское руководство усилило свою заявку на мобилизацию общества для индустриализации с разговорами о войне и обороне СССР. Но вместо того, чтобы стимулировать поддержку режима со стороны населения, эта «военная тревога» вызвала панику и пораженческие слухи, которые охватили всю страну. По некоторым сведениям, отдельные крестьяне даже с нетерпением ожидали британского вторжения, которое свергнет большевиков и восстановит монархию.

⁶ Программы коренизации, конечно, не распространялись на русскоязычное общество.

Я полагаю, что этот неудачный ход в десятую годовщину революции 1917 года вынудил партийных идеологов и пропагандистов искать новые способы повышения доступности их схематичной, бескровной, классовой пропаганды. Однако переход к новым формам мобилизации не был быстрым. Между 1927 и началом 1930-х годов, похоже, возникло некоторое недоумение по поводу того, что может быть более эффективным, но не связанным с идеологическими компромиссами. В конце концов, я полагаю, часть ответа пришла не от профессиональных партийных идеологов и пропагандистов, а от журналистов, работавших в молодежных газетах, а затем из центральных партийных газет.

– Так означает ли это переход ко второму этапу советской межвоенной мобилизации?

– Да, именно так. К началу 1930-х годов советские журналисты продемонстрировали работникам отдела ЦК ВКП(б) «Агитпропа», что лучший подход к мобилизационной пропаганде возникнет из возобновленного внимания к индивидуальному героизму⁷. Общий безымянный классовый анализ должен был быть заменен индивидуальными, узнаваемыми героями революции, гражданской войны и социалистического строительства. Эти герои были показаны таким образом, чтобы служить практическими, доступными ролевыми моделями для подражания и восхищения сначала в прессе, а затем постепенно в других формах партийной пропаганды и массовой культуры.

К 1934 году яркие отдельные личности доминировали в том, что я называю вторым этапом советской мобилизационной пропаганды. Этот новый акцент на динамических ролевых моделях и героях был дополнен новым акцентом на патриотизме. Патриотизм в 1920-х годах был отвергнут как буржуазный суррогат – то, что капиталистический мир использовал в качестве маскирующей идеологии, чтобы отвлечь рабочих от их классовых интересов. Однако в начале 1930-х годов, когда возрождается индивидуальный героизм, мы также видим нерешительную реабилитацию идеи патриотизма, теперь называемого «советским патриотизмом». В 1931 году Сталин утверждал, что, если Маркс был прав в 1848 году, заявляя, что у рабочих не было отечества, ситуация в СССР изменилась с 1917 года, когда появилось такое понятие, как отечество рабочих. Патриотизм, следовательно, был оправданной эмоцией пролетариата по отношению к СССР.

По моему мнению, примерно в 1935–1936 годах второй этап советской мобилизационной пропаганды оказался гораздо более эффективным и доступным, чем первый. Новый материал, касающийся героизма и патриотизма, основанный на конкретном материале революции, гражданской войны и социалистического строительства, впервые обрел настоящий резонанс в обществе⁸.

⁷ Здесь я согласен с выводами коллеги. См.: *Lenoe M. Closer to the Masses Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers. Cambridge, 2004.*

⁸ Я изучаю общественное восприятие советской мобилизационной пропаганды 1930-х годов с помощью писем, дневников, мемуаров, сводок органов госбезопасности, а также популярных в то время художественных произведений – романов, пьес, опер и фильмов – в моей второй монографии *Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under*

– **Так какой же была третья фаза советской межвоенной мобилизации?**

– Третья фаза межвоенной мобилизационной пропаганды – это то, что я датирую второй половиной 1936 г. – началом «Большого террора». Хорошо известно, что чистки оказали разрушительное воздействие на партию, вооруженные силы, интеллигенцию и так далее. Я полагаю, что волны чисток между 1936–1938 гг. также подрывали новую мобилизационную пропаганду, сосредоточенную на героях и патриотизме, поскольку эта охота на ведьм выставила многих известных людей и героев для подражания врагами народа.

По мере того, как «чистки» уничтожали новых героев и патриотов, советские пропагандисты были вынуждены запрещать фильмы, театральные постановки и книги, прославляющие их. Это значительно ослабило пропагандистскую линию. Были предприняты попытки переснять фильмы, переделать картины и переписать книги⁹. Но это был непредсказуемый процесс, поскольку террор происходил волнами, а не сразу. Книга или фильм, переделанный сегодня, возможно, снова пригодился бы завтра.

В конце концов, партийные пропагандисты во главе со Сталиным были вынуждены отступить от своего нового акцента на героях и патриотизме в партийной пропаганде и вернуться к бескровному схематизму и безымянным социальным силам 1920-х годов. Это наиболее очевидно при введении знаменитого «Краткого курса» по истории партии, выпущенного в 1938 г.¹⁰ Сталин пытался оправдать этот новый акцент на схематизме и безымянных социальных силах во время выпуска «Краткого курса», утверждая, что рядовой член партии и руководитель должны лучше понимать марксистскую теорию, и что поэтому история партии должна основываться на более ортодоксальном марксизме-ленинизме¹¹.

В то же время, когда Сталин пытался перенаправить хорошо образованных членов партии в сторону марксистской теории, он направлял пропагандистов и педагогов, работавших в обществе, искать в дореволюционном прошлом новые источники влияния и легитимности. Прежний упор на классику в литературе и искусстве (как предшественника соцреализма) теперь сопровождался реабилитацией политических и военных деятелей дореволюционного периода. Такие исторические личности, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный и Петр Великий, были возрождены в качестве примеров прогрессивных лидеров, и приветствовали их поддержку централизации государственной власти. Также внимание обратили на Александра Суворова и Михаила Кутузова, чтобы признать их предшественниками советской воинской гордости.

Я полагаю, что это знаменует собой третий этап советской мобилизационной пропаганды – консервативность партийной линии и ее замена множеством мобилизационных требований, ориентированных на российское национальное прошлое.

Stalin, 1928–1941. New Haven, 2011 (Ее российское издание: *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор, 1927–1941. М., 2017).

⁹ *King D.* The Commissar Vanishes: The Falsification of Photographs and Art in Stalin's Russia. New York, 1997.

¹⁰ История ВКП (б): Краткий курс. М., 1938.

¹¹ *Brandenberger D., Zelenov M.* Stalin's Master Narrative: A Critical Edition of the Short Course on the History of the Communist Party (Bolsheviks). New Haven, 2019.

Можно также отметить и другие мобилизационные меры того периода, в частности, постоянное усиление партийным руководством культа личности Сталина.

На данном этапе следует упомянуть, что эта новая историческая линия была официально названа «Историей народов СССР» и теоретически включала в себя дореволюционные истории других нерусских народов в новом великом повествовании. В практическом плане, однако, в межвоенные годы эти намерения были в значительной степени неосуществленными. Одной из причин этого были чистки, которые затрудняли написание истории нерусских республик без обвинений в «буржуазном национализме». Но не менее важным является неизбежный вывод о том, что развитие этих вспомогательных нарративов не было приоритетным. Действительно, единственные нерусские герои, которые привлекли общественное внимание в довоенный период – те, которые касались Украины и Белоруссии – обсуждались в печати только тогда, когда аннексия польских территорий в 1939 году требовала исторического оправдания¹².

После обзора этого значительного руссоцентричного сдвига в мобилизационной пропаганде между 1917–1937 гг. в первых трех главах книги в следующих четырех главах исследуется, как эта новая пропагандистская линия популяризировалась в школах и массовой культуре и воспринималась в советском обществе. Такой подход выдвигает на первый план сложности, связанные не только с формулированием мобилизационной пропаганды, но и с ее распространением на общественном уровне, а также с ее восприятием на низовом уровне.

Поскольку эта динамика претерпела изменения в 1941 году, вскоре после начала Второй мировой войны, с восьмой по одиннадцатую главы книги прослеживают контуры мобилизационной пропаганды партии до 1945 года. В свою очередь, с двенадцатой по шестнадцатую главы отслеживают эти процессы до середины 1950-х годов.

– Каким образом появление и траектория этой формы мобилизационной пропаганды говорят об официальном руссоцентризме при Сталине?

– Хороший вопрос. Мое исследование политики массовой мобилизации в советском обществе в период с конца 1920-х до середины 1950-х годов показывает, что использование русских национальных героев, легенд и мифов в это время носило в основном прагматический и этатистский характер. Это была попытка

¹² Хотя некоторые историки утверждают, что в период между 1939 и 1941 гг. статус украинцев и белорусов также был повышен до статуса «великих народов», это, по-видимому, является частью кампании по оправданию советизации восточной Польши, а не независимой идеологической инициативой повысить статус украинского или белорусского народов как таковых. Мало того, что время проведения кампании указывает непосредственно на раздел Польши в 1939 г., исторические события, которые получили наибольшую огласку (например, 1654 г., Богдан Хмельницкий и польское иго), являются слишком удобными, чтобы быть просто совпадением. Конечно, вне зависимости от причин продвижения «великого украинского народа» и «великого белорусского народа» между 1939 и 1941 гг., эти события следует рассматривать как полностью совместимые с официальным определением русского народа как «первого среди равных». См. в связи с этим: *Yekelchyk S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. Toronto, 2004. P. 21–26; Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001. P. 351–352.*

дополнить скрытые и недоступные аспекты марксизма-ленинизма популистской риторикой, призванной укрепить легитимность советского государства и способствовать распространению в обществе чувства преданности СССР.

Стоит отметить два момента, касающихся намерения и замысла этой официальной руссоцентричной линии. Во-первых, обращение Сталина к русским историческим героям и символам было далеко не неизбежным, и его следует рассматривать как побочный продукт исторического обстоятельства, вызванного провалом радикальной «советской» пропаганды во время чисток. Во-вторых, даже всеобъемлющий руссоцентризм после 1937 года не следует путать с официальной поддержкой российского государственного или национального строительства, не говоря уж о национализме, поскольку всем трем потребовалась бы определенная институциональная, политическая и культурная автономия, которую большевики и не намеревались предоставить русскому народу.

Вместо этого руссоцентризм сталинской эпохи следует рассматривать как инструментальный и популистский по замыслу шаг, предназначенный для мобилизации, а не для предоставления прав. В конце концов, становится очевидным, что речь шла не о создании независимой институциональной идентичности для РСФСР, отдельной от идентичности СССР¹³. Это разочарование построением российского государства было отражено в позиции партии по построению русской нации. Хотя огромное количество героев, символов и мифов, связанных с русским национальным прошлым, было возрождено после 1937 года, эти усилия были выборочными и осторожными, они были направлены на то, чтобы поддержать советское настоящее, а не стимулировать независимое историческое исследование русского национального прошлого. Царская централизация и построение империи были представлены как необходимые предшественники построения советского государства, в то время как лидеры от Ивана Грозного до Петра Великого использовались, чтобы оправдать предпочтение партией харизматичного единоличного правления. Давние тревоги послужили основой для новых опасений 1930-х годов – будь то «справедливое» подавление Опричниной внутренних врагов или оборонительная борьба Александра Невского против вторжения тевтонских рыцарей. Дореволюционные победы на поле битвы, а также в науке и искусстве предоставили военачальникам, художникам и мыслителям советской эпохи своего рода историческую родословную.

Согласно квазимарксистской парадигме, которая управляла этим ревизионизмом, все данные исторические личности, слава и достижения были прогрессивными в свои исторические периоды и, таким образом, теперь могли быть реабилитированы, чтобы проиллюстрировать, объяснить и оправдать аналогично

¹³ Важно отметить, что руссоцентризм после 1937 года не устранил глубокого институционального дисбаланса, который лежал в основе советской системы. Как известно, РСФСР изначально была включена в состав СССР без бюрократических институтов, подобных тем, которые были созданы в Украине, в Закавказье или других союзных республиках. Это отрицание отдельной партийной организации, центрального комитета, академии наук и т. д. было преднамеренной стратегией ограничения русского влияния в советском обществе в начале 1920-х годов. Что характерно, этот дисбаланс сохранился после 1937 года, несмотря на официальное выделение русской нации как «первой среди равных».

прогрессивные аспекты советского государства и общества. Как я отмечал выше, это были риторические заявки на мобилизацию, а не на предоставление прав или национализацию.

– Но, если целью было укрепление влияния и легитимности государства, зачем реабилитировать героев, символы, легенды и мифы, которые идентифицировались в основном с русскими, а не были взяты из истории народов СССР в более широком смысле?

– Отличный вопрос. Эта идеалистическая связь с русским национальным прошлым лучше всего понимается как функция особого отношения Сталина к русскому народу в целом. Хотя Сталин был известен своим превознесением русского народа, он не был русским националистом и всегда выступал против всех усилий по продвижению российского самоуправления. Вместо этого Сталин считал русских «государствообразующим народом», который объединял общество и был «первым среди равных» и «старшим братом» в советской семье наций. По мнению Сталина, русская культура, история и демографическая мощь имели уникальную способность укреплять влияние и легитимность советского государства гораздо больше, чем более специфическая национальная идентичность украинцев, армян, грузин, казахов и т. д.¹⁴

– Какова же тогда связь между сталинским руссоцентризмом и формированием современного чувства русской национальной идентичности среди русскоязычных на массовом уровне общества?

– Эта проблема связана с тем, что я довольно нескромно называю вторым крупным вкладом моей книги. Я полагаю, что, несмотря на тот факт, что Сталин использовал в СССР русское национальное прошлое исключительно во имя мобилизации масс, эта руссоцентричная пропаганда имела непредсказуемый, непреднамеренный эффект в русскоязычном обществе на низовом уровне. Проводя свое исследование, я обнаружил, что письма, дневники, сводки правоохранительных органов и послевоенные интервью с советскими перебежчиками на Западе показывают, что многие русские в советском обществе охотно воспринимали восхваление Сталиным русскости и русского национального прошлого, не связывая эти вопросы с более широкой темой настоящего или будущего Советского Союза.

Действительно, многие отделяли любимых русских героев, мифы и легенды от более схематичных, марксистско-ленинских ценностей и принципов, с которыми они были связаны. Этот избирательный прием и усвоение руссоцентричной пропаганды и образов в сталинскую эпоху означали, что к 1953 году русские стали обладать гораздо более последовательным и четким представлением о том, кем они были по национальности, чем о том, что они имели до 1937 года.

Иными словами, попытка партии укрепить влияние и легитимность советского государства путем избирательной кооптации русских героев, мифов и ле-

¹⁴ Ree E. van. Heroes and Merchants: Stalin's Understanding of National Character // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. № 1. P. 41–65.

генд привела к тому, чего Сталин никак не ожидал: к формированию массового чувства русского национального самосознания, более или менее независимого от советских социалистических атрибутов. Таким образом, хотя появление этого чувства национальной идентичности связано с одной из величайших пропагандистских кампаний середины XX века, его также следует рассматривать как непреднамеренный и даже случайный побочный эффект популистского заигрывания Генерального секретаря с мобилизационным потенциалом русского национального прошлого.

– Какова методология вашего исследования?

– Поскольку меня интересуют вопросы, касающиеся групповой идентичности и общественного мнения, я полагаю, что изучение мобилизационной пропаганды требует не только сосредоточения внимания на создании официальной линии наверху. Тщательное исследование пропаганды требует внимания к структуре, стоящей не только за ее созданием и производством, но также и акцентом на его проецировании и распространении в обществе. Это потому, что нельзя просто предполагать, что послания сверху эффективно передаются обществу внизу, не распространяя их в учебных заведениях, прессе и массовой культуре.

Я полагаю, что также необходимо взглянуть на массовое восприятие этой мобилизационной пропаганды. Аудитория непостоянна и капризна и часто избирательно запоминает или неправильно понимает то, что слышит от властей. Поэтому вместо того, чтобы предполагать, что официальная линия эффективно передается на массовый уровень, я фактически отслеживаю восприятие этой линии, используя письма, дневники, мемуары, сводки правоохранительных органов и другие источники, указывающие на общественное мнение. Это, на мой взгляд, дает наилучшие данные об общественном восприятии официальной пропаганды.

Конечно, необходимо с самого начала признать, что мои изыскания в этом исследовании общественного мнения, безусловно, являются скромными – я лишь даю некоторое представление о том, как советское население реагировало на официальную мобилизационную пропаганду. В наше время люди привыкли к современным опросам общественного мнения, которые предоставляют огромные объемы данных, сопоставленных по строгой методологии социальных наук по всем видам предметов и сегментированных по нации, классу, образованию, профессии и т. д. Конечно, невозможно получить такие данные за 1930-е годы по СССР или любой другой части света. Тем не менее, я полагаю, что в исследованиях мобилизационной пропаганды по-прежнему важно попытаться оценить общественное восприятие, даже если результаты безусловно ограничены или фрагментарны¹⁵. Я считаю, что некоторое представление об общественном мнении можно получить, если использовать письма, дневники, мемуары и отчеты партии и секретной полиции, и если добросовестно сверить эти источники друг с другом, чтобы уменьшить проблемы, которые представляет каждый жанр.

¹⁵ Здесь я не согласен с критикой по поводу возможности характеризовать общественное восприятие мобилизационной пропаганды при Сталине. См.: Менковский В. Рецензия на «Кризис сталинского агитпропа» // *Ab Imperio*. 2018. № 4. Р. 380–389.

Опять же, я признаю ограничения этого подхода и тот факт, что лучшее, на что можно рассчитывать, это лишь некоторое представление о мнении. Тем не менее, я полагаю, что это намного превосходит чисто умозрительные подходы к изучению официальной пропаганды и восприятия ее общественностью.

– Как, по Вашему мнению, первоначальные аргументы в книге «Национал-большевизм» изменились в период с 2002 по 2017 годы, когда книга была переиздана под названием «Сталинский руссоцентризм»?

– Во время пересмотра русских изданий 2009 и 2017 годов я внес много небольших редакционных изменений, чтобы улучшить содержание монографии и язык, на котором она была написана¹⁶. Я также обновил текст, чтобы привести его в соответствие с новыми научными работами, появившимися в последние годы. Это была задача, которой я откровенно боялся, особенно в отношении издания 2017 года, поскольку я ожидал, что, переиздав книгу, я найду множество ошибок или устаревших взглядов, которые мне нужно будет скорректировать или переписать, чтобы отразить новые достижения в этой области. Вместо этого я обнаружил, что, кроме рутинной правки, мне не было необходимо изменять какие-либо основные элементы книги. К моему удивлению большая часть литературы по этому вопросу, опубликованной в последнее десятилетие на английском, русском, немецком и французском языках, либо следует аргументам, которые я первоначально разработал в 1990-х годах, либо выдвигает положения, полностью соответствующие моим открытиям. Я доволен положительным резонансом, который моя работа вызвала в научных кругах; комментаторы и журналисты не всегда были настолько добры¹⁷.

Когда в 2009 году появилось первое русское издание, в нем содержалась новая глава, в которой я связал контуры руссоцентризма с чисткой третьей по величине партийной организации в СССР в 1949 году – так называемое «Ленинградское дело»¹⁸. В этой главе я утверждаю, что, хотя существует ряд факторов, объясняющих репрессии А.А. Кузнецова, Н.А. Вознесенского, П.С. Попкова, М.И. Родионова и других видных партийных деятелей, их судьба частично объясняется ошибками, допущенными в послевоенном руссоцентризме. Оказывается, что Кузнецов и его соратники неправильно поняли мобилизационную пропаганду как поощрение множества националистических проектов, направленных на расширение институционального суверенитета РСФСР (включая создание республиканского уровня российской коммунистической партии и перенос столицы республики в Ленинград). Сталин, конечно же, не собирался поддерживать русский национализм, суверенитет или самоуправление и репрессировал ленинградцев, чтобы предотвратить любые институциональные вызовы СССР.

¹⁶ К.А. Больдовский, А.С. Конохова, А.М. Дубровский и другие поучаствовали в редакции перевода.

¹⁷ Беляков С. *Нация ex nihilo* // Новый мир. 2010. № 10. С. 194–199; Политдруз Е. Русских придумал Сталин // Спутник и погром [сайт]. URL: <https://sputnikpogrom.com/society/14545/made-by-stalin/> (дата обращения: 01.10.2019).

¹⁸ Brandenberger D. Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism // *Russian Review*. 2004. Vol. 63. № 2. P. 241–255.

Благодаря появлению первого русского издания также была исправлена большая ошибка, обнаруженная в английском издании книги. В оригинальной книге 2002 года я приписал А.А. Жданову значительную часть редактирования «Истории СССР» Шестакова 1937 года. Я сделал это потому, что в конце 1990-х годов нашел значительно отредактированную копию текста Шестакова в фонде Жданова в бывшем Центральном партийном архиве и тщетно искал что-то похожее в фонде Сталина. Я ничего не нашел в данном фонде и пришел к выводу, что Сталин, наверное, поручил Жданову курировать работу Шестакова и редактировать его текст. К сожалению, после того, как английское издание уже находилось в печати в 2000–2001 годах, я узнал, что еще несколько экземпляров текста Шестакова были найдены в недавно рассекреченной 11-й описи Сталинского фонда. Последующий анализ показал, что большая часть редактирования Жданова проистекала непосредственно из личной работы Сталина над учебником – это заставило меня внести ряд важных изменений в тексте 2009 года.

Во втором русском издании книги в 2017 году я добавил еще одну новую главу об инакомыслии, высказанном в 1937–1939 годах, о появившейся руссоцентричной линии. Эта глава, основанная на статье, опубликованной в журнале «Критика», продемонстрировала, что представители советской творческой интеллигенции решительно возражали против новой мобилизационной пропаганды партии, поскольку она противоречила их моральной приверженности революции и интернационализму¹⁹. Я также внес ряд изменений в новое издание книги в части описания «Ленинградского дела», в соответствии с эволюцией моих взглядов спустя десятилетие с начала работы над темой.

– Чем можно объяснить изменение названия с «Национал-большевизма» на «Сталинский руссоцентризм»? Было ли это сделано по просьбе РОССПЭН?

– Хороший вопрос. Решение изменить название книги было полностью моим. Позвольте мне объяснить. В английском языке термин «Национал-большевизм» является броским и провокационным. Данный заголовок отражал содержание моей диссертации о марксистской, социалистической природе мобилизационной пропаганды сталинской эпохи, в то же время отличая руссоцентризм от чего-то более подлинно националистического. Широкая аудитория прочитала книгу на английском языке и сочла этот термин полезным и информативным.

Однако русскоязычная аудитория посчитала термин «национал-большевизм» сбивающим с толку и возражала против его заимствования у предыдущих авторов, таких, как Н.В. Устрялов, М.Н. Рютин и М.С. Агурский. Некоторые специалисты также сочли, что «национал-большевизм» трудно отличить от «национал-коммунизма», который практиковался в 1920-х годах, например, в Украине и Белоруссии. Другие посчитали этот термин излишне провокационным, возможно, в связи со спорным «национал-большевистским» движением, возглавляемым Э.В. Лимоновым в период с 1992 по 2007 годы.

¹⁹ *Brandenberger D.* “Simplistic, Pseudo-Socialist Racism”: Ideological Debates Over the Direction of Soviet Socialism within Stalin’s Creative Intelligentsia, 1936–1939 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 2. P. 365–393.

Обеспокоенный тем, что подобное название на русском языке сбивает с толку, я переименовал книгу во втором издании, чтобы преподнести ее на основании моего неологизма «руссоцентризм». Возможно, этот термин даже лучше, чем прежний. Он отражает ключевые элементы моего тезиса, в то же время отличая мобилизационную пропаганду сталинской эпохи от более подлинной националистической агитации. Я надеюсь, что термин «руссоцентризм» в конечном итоге приживется в российском академическом дискурсе также, как и в английском за последние 15 лет.

– Какое влияние оказывает, по Вашему мнению, «Национал-большевизм» / «Сталинский руссоцентризм» на господствующую в историографии точку зрения о Сталине и сталинизме?

– В моем исследовании Сталин предстает значительно менее дальновидным как историческая фигура, по сравнению с тем, как его часто описывают в литературе. Заинтересованный в идеологической обработке и мобилизации масс, Сталин изо всех сил пытался сформулировать четкое видение того, как его работники Агитпропа должны были завоевать советские сердца и умы в обществе 1930-х годов, особенно среди его менее образованных граждан. Агитпроп как институт тоже выглядит удивительно неумелым, когда стоит у руля того, что часто называют первым в мире «пропагандистским государством». Это тема, которую я выделяю во второй книге – «Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор, 1927–1941»²⁰.

В конце концов, «Национал-большевизм» / «Сталинский руссоцентризм» представляет собой совершенно непредопределенную историю сталинской мобилизационной пропаганды с начала 1930-х годов до середины 1950-х годов, когда официальное использование руссоцентричной, а не националистической мобилизационной пропаганды привело к непреднамеренным последствиям ускоренного формирования массового чувства русской идентичности среди русскоязычных в советском обществе.

Рукопись поступила: 3 октября 2019 г.

Submitted: 3 October 2019

References

- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Spread of Nationalism*. New York: Verso, 1991.
- Artizov, A.N. “V ugodu vzglyadam vozhdya. Konkurs 1936 g. na uchebnik po istorii SSSR.” *Kentavr*, no. 1 (1991): 125–135 (in Russian).
- Brandenberger, D. “The ‘Short Course’ to Modernity: Stalinist History Textbooks, Mass Culture and the Formation of Popular Russian National Identity, 1934–1956.” PhD diss., Harvard University, 1999.
- Brandenberger, D.L., and Dubrovsky, A.M. “‘The People Need a Tsar’: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941.” *Europe Asia Studies* 50, no. 5 (1998): 873–892.

²⁰ Brandenberger D. *Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1928–1941*. New Haven, 2011; Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор, 1927–1941. М., 2017.

- Brandenberger, D. *Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1928–1941*. New Haven: Yale University Press, 2011.
- Brandenberger, D., and Zelenov, M. *Stalin's Master Narrative: A Critical Edition of the Short Course on the History of the Communist Party (Bolsheviks)*. New Haven: Yale University Press, 2019.
- Brandenberger, D. "Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism." *Russian Review* 63, no. 2 (2004): 241–255.
- Brandenberger, D. "'Simplistic, Pseudo-Socialist Racism': Ideological Debates Over the Direction of Soviet Socialism within Stalin's Creative Intelligentsia, 1936–1939." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 13, no. 2 (2012): 365–393.
- Brandenberger, D. *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshcheniye i terror, 1927–1941*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017 (in Russian).
- Brooks, J. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Evanston: Northwestern University Press, 2003.
- Gellner, E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, 1983.
- Geldern, J. von, and Stites, R. *Mass Culture in Soviet Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1995.
- Hroch, M. *The Social Preconditions for a Rational Revival in Europe: A Comparative Analysis of the National Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Hroch, M. "From National Movement to the Fully-formed Nation: The Nation-building Process in Europe." In *Mapping the Nation, 78–97*. New York; London: Verso, 1996.
- King, D. *The Commissar Vanishes: The Falsification of Photographs and Art in Stalin's Russia*. New York: Henry Holt and Company, 1997.
- Lenoe, M. *Closer to the Masses Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Cambridge: Harvard University Press, 2004.
- Martin, T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2001.
- Menkovskiy, V. "Retenziya na «Krizis stalinskogo agitpropa»." *Ab Imperio*, no. 4 (2018): 380–389 (in Russian).
- Ree, E. van. "Heroes and Merchants: Stalin's Understanding of National Character." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 8, no. 1 (2007): 41–65.
- Shestakov, A.V. *Istoriya SSSR: Kratkiy kurs*. Moscow: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdaniye, 1937 (in Russian).
- Suny, R.G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Press, 1993.
- Weiner, A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Yekelchuk, S. *Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination*. Toronto: University of Toronto Press, 2004.

Библиографический список

- Артизов А.Н. В угоду взглядам вождя. Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР // Кентавр. 1991. № 1. С. 125–135.
- Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор, 1927–1941. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 367 с.
- Менковский В. Рецензия на «Кризис сталинского агитпропа» // Ab Imperio. 2018. № 4. Р. 380–389.
- Шестаков А.В. История СССР: Краткий курс. М.: Государственное учебно-педагогическое издание, 1937. 223 с.
- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Spread of Nationalism*. New York: Verso, 1991. 290 p.

- Brandenberger D.* “The ‘Short Course’ to Modernity: Stalinist History Textbooks, Mass Culture and the Formation of Popular Russian National Identity, 1934–1956.” PhD diss., Harvard University, 1999. 310 p.
- Brandenberger D.L., Dubrovsky A.M.* ‘The People Need a Tsar’: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941 // *Europe Asia Studies*. 1998. Vol. 50. № 5. P. 873–892.
- Brandenberger D.* *Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1928–1941*. New Haven: Yale University Press, 2011. 357 p.
- Brandenberger D., Zelenov M.* *Stalin’s Master Narrative: A Critical Edition of the Short Course on the History of the Communist Party (Bolsheviks)*. New Haven: Yale University Press, 2019. 744 p.
- Brandenberger D.* Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism // *Russian Review*. 2004. Vol. 63. № 2. P. 241–255.
- Brandenberger D.* ‘Simplistic, Pseudo-Socialist Racism’: Ideological Debates Over the Direction of Soviet Socialism within Stalin’s Creative Intelligentsia, 1936–1939 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 2. P. 365–393.
- Brooks J.* *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Evanston: Northwestern University Press, 2003. 330 p.
- Gellner E.* *Nations and Nationalism*. Ithaca, 1983;
- Geldern J. von, Stites R.* *Mass Culture in Soviet Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1995. 544 p.
- Hroch M.* *The Social Preconditions for a National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the National Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 220 p.
- Hroch M.* *From National Movement to the Fully-Formed Nation: The Nation-building Process in Europe // Mapping the Nation*. New York; London: Verso, 1996. P. 78–97.
- King D.* *The Commissar Vanishes: The Falsification of Photographs and Art in Stalin’s Russia*. New York: Henry Holt and Company, 1997. 192 p.
- Lenoe M.* *Closer to the Masses Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 315 p.
- Martin T.* *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 496 p.
- Ree E. van.* Heroes and Merchants: Stalin’s Understanding of National Character // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. № 1. P. 41–65.
- Suny R.G.* *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Press, 1993. 200 p.
- Weiner A.* *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001. 416 p.
- Yekelchik S.* *Stalin’s Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination*. Toronto: University of Toronto, 2004. 230 p.

Информация об авторе / Information about the author

Дэвид Бранденбергер, доктор исторических наук (PhD in History), профессор российской и советской истории кафедры истории Ричмондского университета (США); исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

David Brandenberger, PhD in History, Professor of Russian and Soviet History in the Department of History, University of Richmond; research associate, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation).